

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИИ СДЕРЖИВАНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ КНР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Ирина ВИШНЕВСКАЯ

Украина, Киев, Национальная Академия Наук Украины, Институт всемирной истории
Аспирант

В статье анализируется эффективность механизмов реализации стратегии сдерживания и привлечения Китая во внешней политике США. Для определения результативности интеграции, как одной из форм влияния стратегии конгейджмент в американо-китайских отношениях, использованы концепции многоуровневого управления, функционализма, неофункционализма, транзакционализма и др. В контексте теории демократического мира изучена степень необходимости для внешней политики США демократизировать китайский социум. Раскрыт механизм получения Китаем наибольших преимуществ вследствие его попадания в зону столкновения интересов конкурирующих государств.

Ключевые слова: США, КНР, эффективность, стратегия сдерживания и привлечения (конгейджмент), интеграция, демократизация.

An effectiveness of the implementing mechanisms of the strategy of containment and engagement of China in the U.S. foreign policy has been analyzed. The concepts of multi-level governance, functionalism, neofunctionalism, transactionalism and others have been used to determine the efficiency of integration as one of the forms of influence of conagement strategy in the US-China relations. Level of need for the U.S. foreign policy to democratize the Chinese society has been studied in the context of the democratic peace theory. The mechanism of China's obtaining the biggest advantages in consequence of its falling into zone of conflict of the competing states interests has been examined.

Keywords: USA, PRC, effectiveness, strategy of containment and engagement (conagement), integration, democratization.

Эффективность – это коэффициент полезного действия, результативность процесса, которая определяется путем сопоставления эффекта, результата к затратам на достижение поставленной цели.

Эффективность стратегии сдерживания и привлечения (conagement) – это степень реализации основных функций государственной стратегии к ожидаемому результату, учитывая не только механизмы внедрения конгейджмента, но и затраты на превентивные меры и риски.

Стратегия сдерживания и привлечения Китая соединила элементы классической доктрины сдерживания (containment) и привлечения (engagement) [1, p.72]. В трактовании З.Халилзада, конгейджмент – это комплементарность концепций сдерживания и интеграции (congagement = containment + engagement) [2, p.8].

Стратегия сдерживания и привлечения Китая во внешней политике США призвана решить три основные задачи: сохранить ожидания, присущие политике привлечения; не допустить того, чтобы Китай превратился во врага; а также недопустить возможности КНР бросить вызов американским интересам.

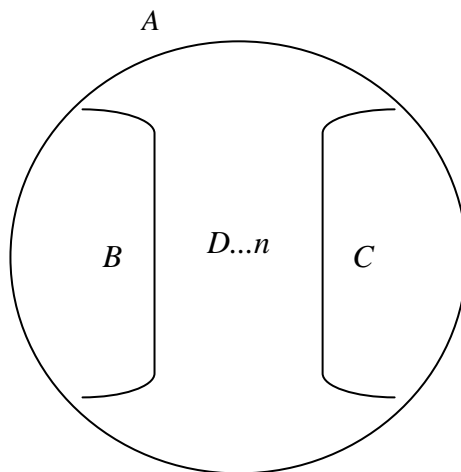
Для конгейджмента имманентным является адаптация КНР к существующей международной системе, переориентация китайских чиновников на демократические ценностные парадигмы, демонстрация Соединенными Штатами мощи для того, чтобы страны с недемократическими режимами осознали бесперспективность их асимметрических вызовов.

Согласно разработкам теоретиков конгейджмента, все отношения с официальным Пекином в экономической и военной сферах должны базироваться на взаимности. Если же действия КНР будут выходить за рамки американских интересов, то Соединенные Штаты Америки должны дать адекватный ответ. Согласно стратегии сдерживания и привлечения, американо-китайское сотрудничество должно носить кумулятивный характер во всех сферах.

Следствием внедрения стратегии сдерживания и привлечения в экономической сфере стало сохранение для КНР режима наибольшего благоприятствования в торговле и поддержания вступления Китая во ВТО. В то же время остро звучала критика в адрес КНР вследствие несоблюдения прав человека, но без предложений наложения санкций.

Чэнь Дунся отмечал, что КНР и США имеют общее видение важности двусторонних отношений, пытаются избежать простых коннотаций: «союзник» или «противник» [3, с.31]. На современном этапе между США и КНР – *контрарные отношения*. При *контрарных отношениях* хотя и отрицаются противоположные ценности – в результате убеждений в истинности собственных, однако допускается параллельное существование противоположного «чужого». Соотношение между контрарными понятиями схематически изображено на рис.1, где *A* – система международных отношений, *B* – коммунистическая система КНР, *C* – демократическая система США (по классификации Ж.Блонделя [4, с.233]).

Рисунок 1. Контрарные отношения между США и КНР в системе международных отношений

Объем B и C не исчерпывает объема подчиняющего понятия A , т.е.:
 $B + C < A$

Между B и C существуют промежуточные типы $D, J \dots n$. Во время «холодной войны» такая ситуация побудила США и СССР формировать прагматические коалиции со странами промежуточного типа. Однако КНР, в отличие от Советского Союза, не пропагандирует другим государствам свою идеологию. Бывший заместитель госсекретаря США Р.Зоеллик выделил причины, по которым США не должны применять к Китаю политику изоляции (fencing):

1. КНР не стремится распространять в мире антиамериканскую идеологию.
2. Хотя Китай не является демократической страной, но он в то же время не демонстрирует стремление к потенциальному конфликту с демократическими странами.
3. Следуя меркантилизму, Китай не готов к борьбе с капитализмом.
4. В КНР доминирует убеждение, что его будущее связано с сохранением нынешней системы международных отношений [5].

Стремление КНР поставить под сомнение существующий международный порядок вызвало бы резкое противодействие со стороны великих держав. Кроме того, именно в рамках существующего миропорядка Китай достиг высоких темпов экономического развития, что должно стимулировать КНР к сохранению нынешней международной системы.

Клинтоновское «комплексное привлечение» в качестве дополнительного результата своего внедрения ожидало конверсию в области прав челове-

ка в Китае [6, с.34]. В эволюционном же плане политика Клинтона изменялась от критики – к диалогу с Китаем как с партнером и вполне подпадает под характеристики стратегии сдерживания и привлечения, а не только, как «комплексного привлечения» [7, с.123].

Контрарные отношения между США и КНР в фазе сдерживания Китая не раз имели тенденцию к переходу в плоскость *контрадикторности*, когда «свое» расценивалось положительно, а «чужое» – отрицательно. Именно такой характер приобрели отношения между Соединенными Штатами и Китаем в период президентства Джорджа Буша-младшего, названы «войной докладов», когда в Госдепартаменте США 1 апреля 2003 г. был опубликован «Доклад о положении с правами человека в странах мира за 2002 год», в котором в разделе о КНР указывались грубые нарушения в государстве: преследования, содержание под арестом тех, кого считают опасными для партийной и государственной власти; физические пытки, приводившие к смерти людей под арестом; насильственная репатриация северных корейцев и недостаточная защищенность многих беженцев; усиленная проверка, преследования и ограничения на деятельность независимых внутренних и иностранных неправительственных организаций; дискриминация женщин, меньшинств и инвалидов; принудительный труд, в том числе заключенных и т.п.

Через два дня, 3 апреля, в ответ на американские обвинения, пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала статью «О правах человека в США в 2002 году», где опровергались заявления американского «Доклада» и раскрывались факты нарушения прав человека в Соединенных Штатах.

Американская внешняя политика рассматривает демократию как корректирующий фактор китайского социума. Привлечение Китая в международную экономическую и политическую систему должно подготовить лидеров КНР к нормам международной системы, и тогда вероятность китайского вызова значительно снизится, поскольку это будет угрожать интересам Поднебесной в том числе. Целесообразность демократизировать китайское общество следует из взглядов Р.Арона: гомогенные системы являются стабильными и менее склонны к вооруженным конфликтам, чем гетерогенные.

Согласно теории демократического мира (ТДМ), демократии не воюют между собой и решают противоречия, которые могут возникнуть между ними, исключительно мирным путем. Идейные истоки ТДМ сформулировал в 1983 г. классик американской политической мысли М.Дойл. Благодаря Ф.Фукуяме, ТДМ стала одним из важнейших постулатов доктрины либерального интервенционизма Соединенных Штатов. В 1994 г. президент Б.Клинтон даже использовал ее положение в ежегодном послании к Конг-

рессу США для официального обоснования политики распространения демократии.

Теорию Дойла проанализировал французский исследователь Э.Тодд и пришел к выводам, что «передовые демократии» постепенно трансформируются в олигархические системы: «Признавая, что либеральная демократия ведет к миру, мы также признаем, что ее отмирание может привести к войне. Даже если закон Дойла и верный, вечного мира в кантовском духе не будет» [8, с.29]. Сейчас даже представителям либерализма представляется сомнительной возможность преодоления войн, в том числе и посредством распространения демократии. Ж.Аттали пишет, что некоторые нации могут перестать быть демократиями, чтобы развязать войну, а П.Аснер отмечает, что «даже если бы все государства стали демократическими, миролюбивыми и были довольны своей судьбой, все равно война продолжала бы оставаться возможной и, в конечном счете, неизбежной вследствие их множественности и отсутствия верховного органа власти, который взял бы на себя обязательства решать конфликт между ними или наказывать виновных» [9, с.22-23].

Свои мотивы в полифонию критики ТДМ вплетают и другие научные школы, включая реалистов. Главным для представителей данного подхода является не система правления – авторитаризм или демократия, а внешние условия безопасности, в которых государство существует. Состояние мира для реалистов – не столько результат демократической культуры или системы запретов и противовесов, сколько следствие существования сильных международных союзов и совокупного потенциала сдерживания возможных агрессоров [10]. Исходя из этого, эффективной является не демократизация КНР, а *хеджинг* (*hedging – hedge strategy*).

Демократия, с позиций конструктивизма, не обладает универсальностью форм, а существующие демократические стандарты могут подойти не каждому. Н.МакФлейн и Дж.Снайдер утверждают, что демократизация на территории бывшего СССР создала условия для обострения этнонационализма, который до этого находился в пассивном состоянии, и военные столкновения посткоммунистических государств стали прямым следствием распространения демократических движений после демонтажа авторитарного режима. С увеличением демократических проявлений в КНР – увеличились и проявления хаоса в государстве. Например, был отмечен всплеск оппозиционных движений во время проведения в Китае Олимпийских игр. Согласно теории конструктивистов, демократия может стать фактором нестабильности внутри государства и, таким образом, отбросить его назад.

Впрочем, даже теоретики ТДМ не гарантируют мир тогда, когда Китай станет демократическим, поскольку демократическая теория может использоваться для богатых, консолидированных демократий, но не для бед-

ных, неконсолидированных демократий, которые склоняются к внутренним конфликтам [11, p.274]. На возможность распада КНР уже в 2020 году указывает Дж.Фридман: «Страна разделена между конкурирующими региональными лидерами, иностранные силы получают преимущества с создавшейся ситуацией в регионах, где они могут устанавливать экономические правила под собственные выгоды, центральная власть пытается держать все это вместе, но терпит поражение» [12, p.100].

Американская стратегия сдерживания и привлечения Китая направлена на результат – интеграцию Поднебесной. Со вступлением КНР в ВТО в 2001 году, произошло заметное интегрирование. Впрочем, не существует единого подхода к объяснению феномена региональной интеграции и интеграции между государствами в целом.

Согласно определению основателя теории транзакционализма К.Дойча, интеграция – это «создание сообщества безопасности между государствами региона» [13, p.12]. Исходя из этого определения, целесообразно привлечение Китая к совместным проектам в военной сфере, в частности, проведение учений, обмена студентами, специалистами и т.д. Что, собственно, и внедряют США. Но если прибегнуть к скрупулезному анализу теории транзакционализма, то оказывается, что для недопущения рисков национальным интересам США возможна лишь фрагментарная интеграция Китая.

Согласно теории транзакционализма, под интеграцией следует понимать «достижение в рамках определенной территории чувства общности, создание институтов и правил, гарантирующих мирное развитие отношений между странами» [14, p.5].

Теория К.Дойча строилась на базе бихевиоризма, где достижение сообщества безопасности предполагалось через взаимодействие между различными нациями; взаимодействие же могло быть измерено через подсчет количества международных телефонных звонков, туристов и т.д.

Современные транзакционалисты, в частности, Э.Адлер и М.Барнетт, разработали трехступенчатую модель развития сообщества безопасности. Первая ступень предполагает наличие некоторых базовых условий, предшествующих образованию сообщества безопасности. На второй ступени возникают факторы, приводящие к развитию атмосферы взаимного доверия и коллективной идентичности, к которым кроме структуры власти и институционального процесса, в частности, относят когнитивные структуры – знания. На третьей ступени уже на основе доверия и коллективной идентичности формируется именно сообщество безопасности [15, p.8].

Исходя из трактования транзакционалистов, интеграция между американским и китайским социумами не является перспективной и эффективной по причине фактора коллективной идентичности. Л.Пай [16, p.56] выводит четыре фундаментальных типа кризиса идентичности, об одном из

которых упоминает Зб.Бжезинский в «Большой шахматной доске»: «Попытка Китая достичь глобального верховенства неизбежно воспринималась бы другими как попытка навязать национальную гегемонию. Говоря проще, любой может стать американцем, но только китаец может быть китайцем» [17, с.210].

В контексте теории транзакционализма, формирование сообщества безопасности кажется маловероятным между США и КНР в обозримой перспективе, поскольку Соединенные Штаты, наоборот, усиливают систему военных союзов по периметру границ Китая, боясь роста могущества НОАК. А совместные военные учения, которые проводятся между армиями США и КНР, не являются предпосылкой для формирования сообщества безопасности.

Согласно транзакционализму, не будет достигнуто коллективной идентичности между США и КНР, а значит интеграция, как составляющая стратегии сдерживания и привлечения Китая во внешней политике Соединенных Штатов, не во всех случаях является эффективной. Однако имеющиеся альтернативные теории интеграции гипотетически могут объяснить эффективность выбранного механизма реализации стратегии *конгейджмент*.

Концепция многоуровневого управления (КМУ), разработанная Г.Марксом, К.Бланком и Л.Хоугом, рассматривает принятие глобальных решений на разных уровнях не только государствами, но и негосударственными транснациональными акторами. Поскольку процессы интеграции приводят к образованию макросоциально-политических систем, в которых ни один актер самостоятельно не может обладать полной информацией для принятия комплексных решений, а также не имеет достаточных полномочий для полномасштабных действий, то в данной теории акцентируется внимание на изучении проблем регулирования сложных динамических социальных систем [18, p.4].

Основным отличием данной модели является то, что она видит интеграционный политический процесс как взаимодействие независимых политических актеров на разных уровнях, что отчасти отражает принцип субсидиарности. Необходимо отметить, что концепция многоуровневого управления прямо не противостоит суверенитету государства. Напротив, в соответствии с ней само государство строит систему, которая поможет сохранить страну как такую [19, p.25]. По мнению Дж.Ругги, предметом изучения КМУ являются постмодернистские международные политические формы (например, ЕС), для которых характерны подвижность, постоянство неопределенности и множественность форм власти [20, p.173].

На данном этапе отсутствуют предпосылки формирования модели КМУ между США и КНР, напротив, существуют претензии со стороны официального Вашингтона на деконструктивные методы правления в КНР,

а также ведется имплицитная борьба за лидерство в АТР с привлечением как можно большего числа союзников.

Исходя из анализа *концепции многоуровневого управления*, интеграция Китая в классическом ее понимании – маловероятна.

Анализируя теорию *функционализма*, модель интеграции может быть наиболее эффективной в случае с Китаем. Согласно принципам неофункционального подхода, заложенным в работах Э.Хааса и Л.Линдберга [21, р.37], интеграция может ослабить авторитаризм в государственном управлении, парадигмы которого находим, например, у Цзян Цзэминя: создать китайскую духовную цивилизацию; сохранить за государством ключевую роль в выборе стратегических целей, обеспечении соответствующего законодательства и др.

Неофункционалисты убеждены, что значимость государства может ослабить человеческий фактор, поскольку конкретные человеческие потребности или общественное благосостояние являются приоритетнее, чем святость государства или доминирование какой-либо идеологии. Таким образом, политика Соединенных Штатов по интеграции КНР гипотетически должна способствовать ослаблению ключевой роли государства и переходу к западному либерализму.

Неофункционалисты предлагают модель, которая допускает возможность нескольких автоматических процессов, развивающих интеграцию: успешная интеграция в одном секторе втягивает в интеграционную сеть другие смежные отрасли; экономическая интеграция автоматически увеличивает степень взаимодействия во всем регионе; увеличивается количество международных организаций, которые становятся основными сторонниками интеграции [22, р.441].

Собственно, США вовлекают КНР в процес решения мировых проблем, например, борьбы с международным терроризмом. С этой целью проводятся совместные военные учения. Стороны готовы укреплять взаимодействие и сотрудничество в области ядерной безопасности и борьбы с ядерным терроризмом [23]. Проблема экологии также стоит на повестке дня; Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в области изменения климата, энергетики и окружающей среды [24, р.1] стал шагом к конструктивному взаимодействию между Соединенными Штатами и Китаем.

Важнейшей составной неофункционалистской теории интеграции является концепция *переливания* (spillover), которая предполагает, что наличие преимуществ сотрудничества в одной сфере способствует поддержке такого сотрудничества и в других областях.

Результатом слияния отдельных частей в единую систему за счет так называемого «системного эффекта» (эмерджентности), должен стать сине-

ргетический эффект, при котором объединение оправдано, поскольку вес регионального образования – экономический, политический – превышает вес каждого отдельно взятого государства. Это можно объяснить математическим неравенством:

$$V(ABCD\dots) > V(A) + V(B) + V(C) + V(D) + \dots,$$

где $V(ABCD\dots)$ – влияние и уровень развития вследствие интеграционного объединения;

$V(A)$ – влияние и уровень развития страны A ;

$V(B)$ – влияние и уровень развития страны B ;

$V(C)$ – влияние и уровень развития страны C и т.д.

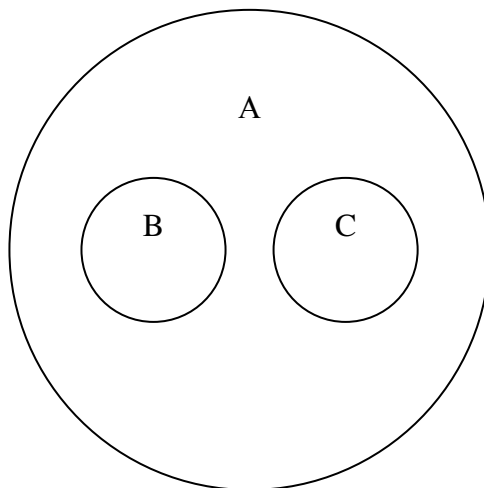
Тенденция к слиянию США и КНР сейчас не наблюдается, отношения часто формируются по принципу *quid pro quo* – услуга за услугу: уступки Поднебесной относительно доступа к китайскому рынку – предоставление Соединенными Штатами перманентного режима наибольшего содействия (MFN status) [25, p.22].

В фазе *вовлечения* Китая в мировую экономику, отношения между США и КНР характеризуются *координацией*; это можно изобразить *кругами Эйлера* (рис.2), где B – экономика Китая, C – экономика США, A – мировая экономика.

B, C, \dots, n входят в объем понятия A .

Хотя B и C объединяет A , но они имеют взаимоисключающие признаки. Каждое государство руководствуется собственными национальными интересами. Интеграция, которая является механизмом реализации американской стратегии сдерживания и привлечения КНР, несет и негативы для США. Интегрированный Китай начинает составлять конкуренцию Соединенным Штатам. Например, с 2007 года самым мощным банком мира стал Industrial and Commercial Bank of China (базируется в Пекине), хотя еще в 2006 первенство удерживал американский Citigroup. В 2013 году ICBC оценивался в 233,69 млрд. долл. США, а China Construction Bank (2-е место) – в 225,89 млрд. долл. США.

Рисунок 2. Схематическое изображение координации экономик

Согласно классификации украинского ученого В.Копейки, существует 6 последовательных стадий интеграции, анализ которых дает возможность оценить эффективность стратегии конгейджмент. На начальной стадии интеграции между государствами заключаются преференциальные торговые соглашения, предусматривающие предоставление странам-участницам более благоприятного режима, в отличие от третьих государств. Собственно, в 2001 году президент США Дж.Буш-младший предоставил Китаю статус наибольшего содействия в торговле. Первая стадия интеграции не предусматривает создание любых межгосударственных органов для управления преференциальными соглашениями. На второй стадии – государства переходят к созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) с полной отменой таможенных тарифов во взаимной торговле при сохранении национальных таможенных тарифов по отношению к другим странам.

Исходя из национальных интересов США, вторая стадия интеграции Китая не является желательной для самих же Соединенных Штатов, так как в случае создания ЗСТ региональным лидером станет КНР.

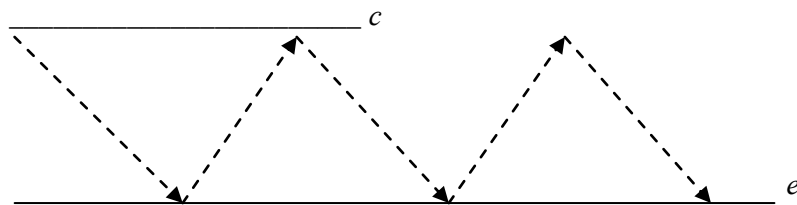
На современном этапе малоперспективным кажется достижение официальным Пекином заключительных стадий интеграции, пятый этап которой предусматривает создание экономического союза, переход к координации макроэкономической политики, унификацию законодательства в валютной, бюджетной, денежной сферах, введение общей валюты, а шестой этап – проведение совместной внешней политики в области безопасности, обороны, внутренних дел и юстиции, полную отмену внутренних

границ для перемещения граждан и грузов и т.д. Сейчас отсутствуют предпосылки и приоритеты для объединения США с КНР в структуру с наднациональными органами и элементами федерации. Для США эффективным является континуум китайской интеграции, выход же КНР за рамки первой стадии интеграции может представлять опасность национальным интересам США.

Континуум интеграционных процессов в Китае можно поддерживать при условии выделения точек китайской заинтересованности. Из этого следует уместность внедрения Соединенными Штатами такой внешней политики, которая способствует, например, интеграции знаний, поскольку в Поднебесной, вследствие конфуцианства, высшими ценностями являются образование, преданность семье и законопослушание, причем образование – на верхней ступени приоритетов. Поэтому американские меры в сфере образования положительно воспринимаются Китаем, ведь его динамически растущая экономика нуждается в высококвалифицированных специалистах. Хотя указанные содействия США не имеют большой эффективности для них самих: образование взаимосвязано с экономическим ростом страны, поэтому большую выгоду получает Китай. Тем не менее, интеграция все же становится корректирующим фактором китайского социума в сторону демократических ценностей.

Стратегия сдерживания и привлечения Китая во внешней политике США в наибольшей степени способствует выигрышу для КНР, что можно объяснить графически (рис.3).

Рисунок 3. Эффективность внедряемой США стратегии сдерживания и привлечения КНР

Пусть вектор e – привлечение КНР. В этот период, например, Китай получает доступ к инновационным технологиям США и за счет этого повышает свою конкурентоспособность. Но с течением времени привлечение Китая начинает создавать угрозу национальным интересам Соединенных Штатов, поэтому меняется вектор американской политики, она переходит в стадию сдерживания – вектор c . Как сдерживающий фактор можно назвать подписанный Б.Обамой иск в ВТО, обвинив китайское прави-

тельство в том, что оно предоставляет субсидии китайским автомобильным компаниям.

Однако в этой ситуации возникает парадокс: вектор *c* (сдерживания), смоделированный Соединенными Штатами для снижения темпов роста КНР, оказывается благоприятным для официального Пекина, поскольку в этот период Китай активизирует сотрудничество с другими большими государствами, в частности, с Россией. За счет этого, Поднебесная получает необходимые технологии уже от другого партнера, в том числе и от ключевых союзников США. Например, страны ЕС, вопреки запретам США, позволили КНР работать над космической программой «Галилео».

Изобразим зависимость китайского развития от столкновения интересов противоборствующих государств из-за КНР (рис.4). Чем больше Соединенные Штаты используют стратегию сдерживания Китая, тем с большей интенсивностью происходит сотрудничество КНР с Россией, странами ЕС и т.д.

Lc – кривая политики США по сдерживанию КНР;

Lz – кривая сотрудничества между КНР и другими большими державами;

OB – безрисковая зона;

OA – зона безубыточности;

AB – зона выигрыша;

BC – зона допустимого риска;

CD – зона критического риска;

BV – линия выигрыша;

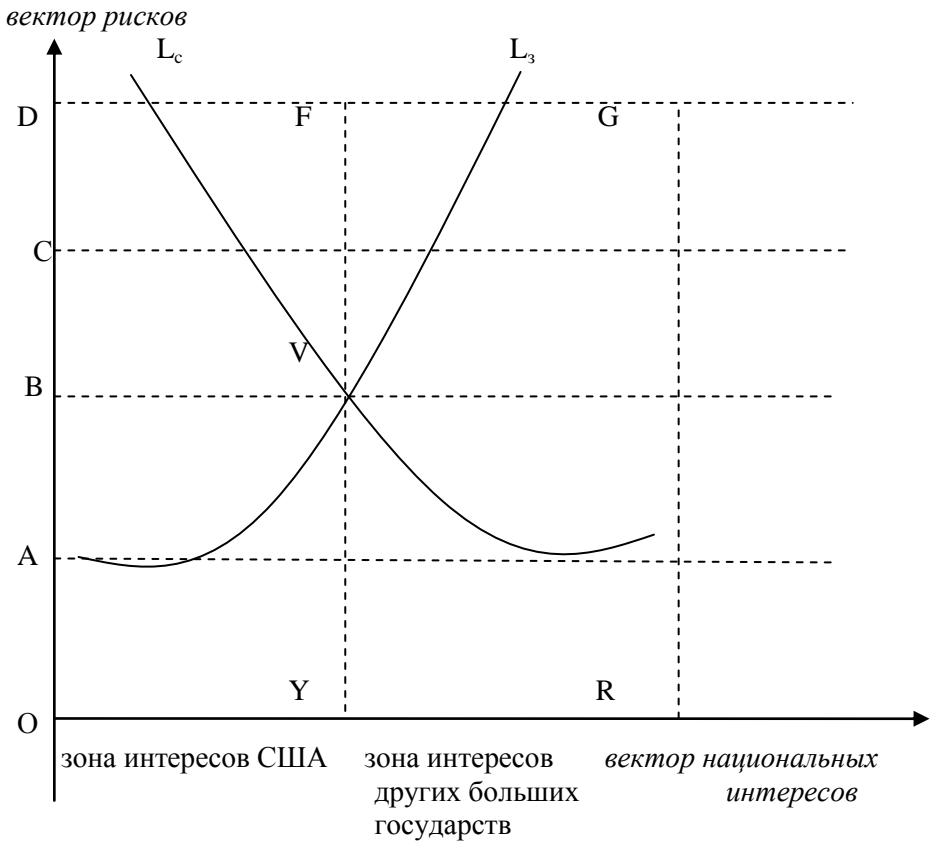
OY – национальные интересы США;

YR – национальные интересы других больших государств (например, Россия, ЕС).

В точке *Y* происходит столкновение национальных интересов противоборствующих сил. Все большие страны, кроме Китая, стремятся к лидерству в традиционном западном понимании, поэтому стараются привлечь на свою сторону КНР.

V – точка наивысшего содействия Китаю со стороны конкурирующих сторон (выигрыш). Если бы КНР имела союз лишь с одной стороной, то только за счет нее могла развиваться. Однако американская стратегия конгейджмент создает такие условия, при которых в фазе сдерживания Китай оправдано переходит к сотрудничеству с противоположной стороной и, таким образом, попадает на пересечение конкурирующих сил, используя достижения обеих. В отличие от западного стиля поведения, КНР уклоняется от противостояния и пытается скрыть свой потенциал, чтобы избежать противодействия. «Кто умеет побеждать врагов – не бьется с ними, кто умеет использовать людей – ставит себя ниже их» [26, с.169].

Рисунок 4. График зависимости развития КНР от столкновения интересов противоборствующих государств

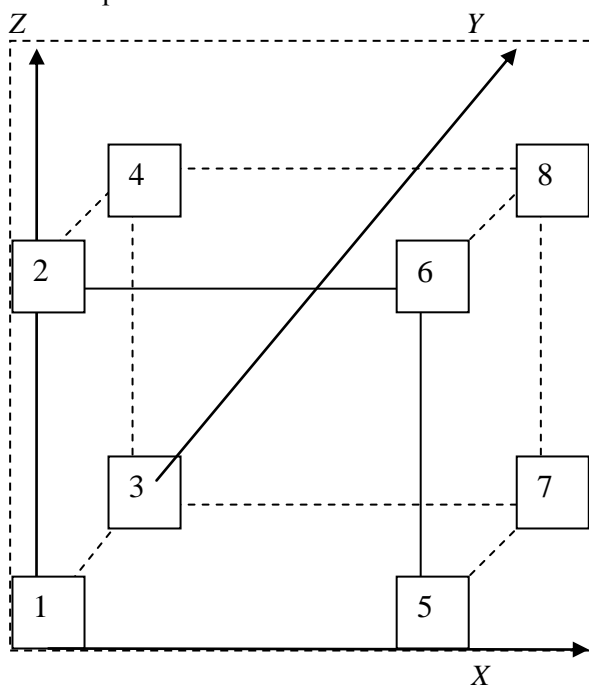
Таким образом, Китай попадает в наиболее выгодное положение (точка V – выигрыш), поскольку он всегда является объектом привлечения со стороны конкурирующих сил. Согласно теории игр, у него минимальные риски и максимальный выигрыш.

Изобразим стратегию сдерживания и привлечения КНР во внешней политике США в трехмерном пространстве, измерениями которого являются X, Y, Z , где X – степень неопределенности, Y – степень динамики, Z – степень сложности (рис.5). Каждая ситуация представляется как точка в пространстве политической среды, т.е. как упорядоченная тройка X, Y, Z , каждая из которых может принимать значение 0 или 1 (низкий или высо-

кий степень). Это означает, что каждой ситуации соответствует своя вершина куба в системе координат X, Y, Z .

Американская стратегия сдерживания и привлечения КНР не выходит за рамки вершин 1, 2, 3, 4, то есть, работает в одной плоскости. Соединенные Штаты выбирают методы влияния в соответствии с обстоятельствами: простые и статические (вершина 1), сложные и статические (вершина 2), простые и динамические (вершина 3), сложные и динамические (вершина 4).

Рисунок 5. Модель принятия Соединенными Штатами внешнеполитических решений относительно КНР

В американо-китайских отношениях США выбрали детерминированную политику, то есть решения принимаются в условиях определенности, их часто называют нерискованными задачами. Такая политика характеризуется предсказуемостью, поэтому для Китая представляется возможность во временной плоскости создать цепь многомерных стратегических ходов и, таким образом, переиграть Соединенные Штаты, заставив их перейти в плоскость X (неопределенности). Хотя такую же стратегию может использовать и официальный Вашингтон к КНР.

Американский философ Дж.Роулз утверждал, что политические институты надо продумывать под «вуалью неведения». Дж.Подеста, глава «моз-

гового центра» Centre for American Progress, приближенного к Белому Дому, говорил, что пришло время двигаться вне прежней стратегии привлечения и хеджинга и принять ту, которая не только «максимизирует возможности, но также будет управлять рисками» [27, p.15-16]. Таким образом, американцы, осознавая необходимость изменения нынешней стратегии, осуществляют ее трансформацию: от конгейджмента – к «конструктивному привлечению», «ответственному участнику» («responsible stakeholder») и «стратегическому заверению» («strategic reassurance»). Если раньше Соединенные Штаты хотели, чтобы КНР корректировала свою политику в соответствии с установленными правилами современной системы международных отношений, то теперь официальный Вашингтон заинтересован в том, чтобы Китай брал на себя ответственность за поддержание функционирования этой системы.

Выводы. Анализируя эффективность ожидаемого результата от применения американской стратегии сдерживания и привлечения КНР обнаружено, что Китай попадает в наиболее выгодное положение за счет перманентного пребывания в зоне привлечения со стороны конкурирующих сил, поочередно используя достижения каждой.

Интеграция, как составляющая американской стратегии сдерживания и привлечения КНР, корректирует китайский социум, который постепенно должен прийти к демократическим ценностям. Однако, для национальных интересов Соединенных Штатов эффективным является удержание Китая на первой стадии интеграции, при переходе им на следующие уровни – распространится региональное лидерство Поднебесной.

Положительным результатом реализации американской стратегии конгейджмент является факт умиротворения Китая, который не превратился во врага и не бросил вызов американскому доминированию в системе международных отношений.

Литература

1. Khalilzad Z.M., Shulsky A.N. The United States and a Rising China: Strategic and Military Implications. – Washington, D.C.: RAND, 1999.
2. Khalilzad Z.M. Congage China. – Washington, D.C.: RAND, 1999.
3. Тимофеев О.А. Состояние и перспективы американо-китайских отношений в оценках политологов КНР. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2008, №3, с.21-34.
4. Кирилук Ф.М., Конверський А.Є. та ін. Політологія. Навчально-методичний комплекс: Підручник. – Київ: Центр навчальної літератури, 2004.

5. Zoellick R. United States Urges China To Be Responsible World Citizen. // U.S. Department of State. 2005. September, 22. [On-line]: <http://usinfo.state.gov/eap/Archive/2005/Sep/22-290478.html>, 04.09.2007.
6. Santoro M.A. Profits and Principles: Global Capitalism and Human Rights in China. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 2000.
7. Mar P.C., Richter Fr. China: Enabling a New Era of Changes. – Singapore: John Wiley & Sons, 2003.
8. Тодд Э. После империи. Рах Americana – начало конца. – Москва: Международные отношения, 2004.
9. Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. – Санкт-Петербург: Всемирное слово, 1999.
10. Rosato S. The Flawed Logic of Democratic Peace Theory. // American Political Science Review, 2003, №97.
11. Peerenboom R. China Modernizes: Threat to the West or Model for the Rest? – Oxford and New York: Oxford University Press, 2007.
12. Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century – New York: Doubleday, 2009.
13. Rosamond B. Theories of European Integration. – New York: St. Martin's Press, 2000.
14. Deutsch K., et al. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. – Princeton: Princeton University Press, 1957.
15. Adler E., Barnett M. Security Communities. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
16. Lal R. Understanding China and India: security implications for the United States and the world. – Westport, Connecticut & London: Praeger security international, 2006.
17. Бжезінський Зб. Велика шахівниця. – Львів – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2000.
18. Kooiman J. (ed) Modern Governance: New Government-Society Interactions. – London & Newbury Park CA & New Delhi: Sage, 1993.
19. Marks G., Hooghe L. Blank K. Integration Theory, Subsidiarity and the Internationalisation of Issues: The Implication for Legitimacy. // EUI Working Paper RSC. – Florence: European University Institute, 1995, №95/7.
20. Ruggie J. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. – London: Routledge, 1998.
21. Lindberg L. The Political Dynamics of European Economic Integration. – London: Oxford University Press, 1963.
22. Dougherty J., Pfaltzgraff R. Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. – New York: Longman, 2000.

23. China-US Joint Statement. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 2009. November, 17. [On-line]: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/bmdyys/gjlb/3432/3434/t629497.htm> 21.11.2009.
24. Memorandum of Understanding to Enhance Cooperation on Climate Change, Energy and the Environment between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China. // U.S. Department of State, Bureau of Public Affairs, Office of the Spokesman, 28 July 2009, 8 p. [On-line]: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/july/126592.htm>, 15.11.2009.
25. Bhattasali D., Li S., Martin W. (Eds) China and the WTO: accession, policy reform, and poverty reduction strategies.– Washington: The World Bank and Oxford University Press, 2004.
26. Дао-дэ цзин. // Пути обретения бессмертия: даосизм в исследованиях и переводах Е.А.Горчинова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007, с.139-175.
27. A dragon of many colours: America will have to get along with China. But which China will it be? // A wary respect: A special report on China and America. // «The Economist», 24 October 2009.

Представлена в редакцию
13 июня 2014 года